Статьи. Исследования

Марат Р. Невлютов
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва, Россия

Несемиотическая природа архитектуры

В современных архитектурных школах и теориях доминирует семиотический подход, который стремится описать архитектуру через систему знаков и понятие коммуникации. Действительно, как и всякое явление культуры, архитектура обладает формой выраженности, а значит, подвержена интерпретациям, наложению на нее системы кодов восприятия. Однако автор демонстрирует, что сама эта система является привнесенной извне и не принадлежит архитектуре как таковой — сигнификация накладывается уже на существующее здание человеческим восприятием, но до этого в нем не присутствует. Собственные, априорные смыслы архитектуры остаются скрытыми. Можно предположить, что бытие архитектуры содержит недоступный означиванию остаток. Она производит невыразимое, неузнаваемое человеком, действуя, тем не менее, в пределах антропологического кода, пользуясь узнаваемым языком. Незнакомое не становится совокупностью знакомого, оно трансформирует прежний код, заставляя его смещать место означивания. Знакомое приобретает иные неартикулированные свойства и смыслы благодаря вступлению архитектуры в реальность. Архитектура вбирает в себя привнесенные коды, но повторяя их в реальности, аннигилирует, лишает их собственных смыслов, которыми их наделил зритель. Оказавшись в необусловленной человеческим восприятием реальности, архитектура может быть осмыслена как автономное событие, лишенное свойств кода. Автор показывает,

Невлютов Марат Раилевич — архитектор, научный сотрудник отдела проблем теории архитектуры Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Москва, выпускник Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка». Научные интересы: феноменология, экология, биофилософия, теория архитектуры и искусства. E-mail: mnevlyutov@gmail.com
Marat Nevlyutov — architect, researcher of the department of Theory of Architecture Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), Moscow. Graduate of the the Institute of Architecture, Media and Design «Strelka». Areas of interest: phenomenology, ecology, biophilosophy, theory of architecture and art. E-mail: mnevlyutov@gmail.com

что конкретное здание актом своего существования во времени выводит архитектуру за пределы системы означивания через процессы деградации и разрушения смыслом.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, семиотика, коммуникация, система кодов, форма, функция, перформативность, реальность

Marat R. Nevlyutov. Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Moscow
Unsemiotic Essence of Architecture

The semiotic approach prevails in contemporary architectural schools and the architectural theories. It seeks to describe architectural reality as a system of signs and concept of communication. Indeed, like any cultural phenomenon, architecture is a form of manifestation, thus it is subject to interpretation and subject to perception. But system of signs is introduced from the outside of architecture and does not belong to the architecture. Signification is added to the building by human perception, but it is not included before perception. A priori meanings of architecture remain hidden. Therefore we can assume that the being of architecture contains something that is ineffable or inaccessible for denomination. We think the understanding of nature this remainder will help pull the architecture from the semiotic captivity. Architecture produces something unspeakable and unrecognizable, but it works within the anthropological code and uses a recognizable language. But the unfamiliar is not the set of familiar, it transform the old code and shift the place of signification. Familiar get the properties and meanings, due to the performing of architecture in reality. Architecture incorporates outsider codes, but it repeats them in reality, annihilates them and deprive of any meaning, which can give the viewer. Act of its existence of particular building takes architecture beyond system of signification.

Keywords: modernism, postmodernism, semiotics, communication, code, form, function, performativity, real

doi: 10.22394/2074-0492-2017-1-88-100

Введение

В теории архитектуры понятие «коммуникации» не становилось предметом особого исследования, но часто использовалось в качестве доказательства общественной значимости предмета архитектуры. Сам термин «коммуникация» обозначает «делание общим», обмен и передачу, установление связи. В архитектуре он призван обозначить контакт со зрителем или потребителем, в ходе которого происходит узнавание знаков, содержащихся в архитектурном сообщении. Отождествление архитектуры с коммуникацией указывает на то, что сущность архитектуры должна быть исчерпана кодовой системой, с помощью которой она сообщает свои смыслы человеку.

Как и всякое явление культуры, архитектура обладает своей особенной выраженной, то есть явленной формой. Поскольку любая форма воспринимается и подвергается наложению системы кодов, ее можно рассмотреть как знак. В XX веке предпринималось множество попыток семиотического описания реальности. По большей части эти попытки были безуспешными, особенно в архитектуре, хотя и принесли свои плоды. Архитектура, по всей видимости, обладает той особенностью, что при применении к ней семиотического подхода артикулируется ускользание референта. Можно предположить, что бытие архитектуры содержит невыразимый остаток, осмысление природы которого способно дать несемиотическое описание.

Универсальный язык модернизма

Главную тенденцию в архитектуре конца XIX — начала XX века можно обозначить как создание универсального языка, который в своей антиисторичности превосходил бы «местные диалекты» и правдиво демонстрировал воплощение архитектурных утопий. Универсальность была достигнута с помощью ориентации на неизменные и объективные установки конкретного социального или функционального действия, осуществляемого архитектурой. Форма в таком случае полностью соответствует действительному предназначению здания, следует его функции. Апологетов подобных теорий далее мы будем называть модернистами, подразумевая функционалистов, конструктивистов, рационалистов и пр., так как все они стоят на одинаковых позициях по отношению к знаковой системе — орнаменту.

По мнению модернистов, орнамент демонстрировал воспроизведение забытых исторических кодов, и поэтому он подвергся в начале XX века критике. В частности, неодобрение было высказано в знаменитом эссе Адольфа Лооса «Орнамент и преступление». По мнению Лооса, орнамент необходимо преодолеть как свойство детского или дикарского мышления, а руководствоваться следует «функциональной необходимостью» или «рациональностью».

Идеи Лооса предполагали создание нового мира в противоположность старому, в котором орнамент как пример бесполезного излишества во все более демократизирующемся обществе должен исчезнуть. Лоос [1972, с. 144] пишет: «Мы преодолели орнамент, мы завоевали привилегию жить без орнамента. Смотрите, близко то время, когда исполнятся наши чаяния. Скоро улицы городов будут сиять подобно белоснежным стенам. Как Сион — святой город, небесная столица».

Модернизм обнаружил «мертвенность» современного ему языка архитектуры, который утратил живую связь со смыслами и автома-

тически воспроизводил пустые знаки. В результате возникло предложение отказаться от прежней знаковой системы; осуществить жест, в котором форма должна была быть сведена к необходимому функциональному минимуму в простой геометрии, а коммуникация — осуществляться через выражение зданием своего функционального назначения. Так знаковая природа архитектуры была окончательно отделена от функциональной — знак отделился от референта.

Знак важнее архитектуры

Однако создать универсальный язык, основанный на воплощенной в простой геометрии функции, модернизму не удалось. Отказ от орнамента не значил отсутствия выражаемых архитектурой форм, и поэтому не привел к созданию универсального языка и освобождению от истории, времени и контекста. Модернизм создал свою систему кодов. Роберт Вентури пишет: «функционалисты, несмотря на свои протесты, строили собственный формальный лексикон преимущественно на основе современных им направлений в искусстве и промышленного вернакуляра» [Вентури, Браун, Айзенур, 2015, с. 28].

Геометрический код, который использовал модернизм, стремился свести к минимуму узнаваемость и упускал множественность человеческого восприятия. Но всякий раз форма приобретала значение вне зависимости от того, что архитектор намеренно лишал ее символического смысла. Модернизм производил знаки нерефлексивно; геометрия неизменно стремилась к означиванию. Умберто Эко [1998, с. 222] так описывает площадь трех властей в Бразилиа: «Выпуклые и вогнутые формы амфитеатров обеих Палат, вертикаль центрального здания не указывают впрямую ни на какую определенную функцию — амфитеатры больше похожи на скульптуры — и не вызывают ассоциаций конкретно ни с чем. Горожане сразу решили, что вогнутая форма Палаты депутатов символизирует огромную миску, из которой народные избранники хлебают народные денежки».

Модернизму не удалось избавиться и от орнамента, он лишь увеличил знаковую систему до невероятных размеров. Модернистская архитектура, по мнению Вентури, демонстрирует знак не через декорацию, а в масштабах целого здания или города. Вентури предлагает нетривиальное разделение зданий на «декорированные сараи» и «уток». В первом случае знак отделен от утилитарной функции, и декорация прикрывает «необходимую архитектуру». Во втором случае архитектура и есть знак — здание, в котором продают утиное мясо, имеет форму утки (рис. 1). «Как это не иронично, современная

модернистская архитектура, продолжая отвергать эксплицитную символику и легкомысленную поверхностную орнаментацию, искажает само здание, превращая ее в один большой узор. При замене декорации „артикуляцией“ здание превращается в „утку“» [Вентури, Браун, Айзенур, 2015, с. 126].

Рис. 1. Лонг-айлендский утенок. Лицензия: Attribution-NonCommercial-NoDerivs 2.0 Generic (CC BY-NC-ND 2.0). Автор: Alexander Rabb. Источник: flickr
The Big Duck on Long Island. License: Attribution-NonCommercial-NoDerivs 2.0 Generic (CC BY-NC-ND 2.0). Author: Alexander Rabb. Source: flickr

Понимание, что семиотическая сетка накладывается на архитектурную форму при любых обстоятельствах, возникает в 1970-х и проявляется в концепциях, которые принято обозначать как постмодернистские, хотя истоки их лежат глубже. Модернистская архитектура обвиняется в безразличии к человеку, истории, языку, эстетике. По словам Вентури, она вызывает лишь «скуку». Постмодернизм стремился восстановить образную, знаковую ценность архитектуры, которая бы предотвращала «скуку», вступая в коммуникацию с адресатом. Архитектурный теоретик Чарльз Дженкс [1985, с. 11] дает определение постмодернистской архитектуры как явлению исключительно языковому: «Термин „постмодернистский“ следует пояснить и использовать более точно с тем, чтобы подразумевать только тех проектировщиков, которые осознают архитектуру как язык».

Заявленное модернистами разделение сути архитектуры на орнамент и функциональную необходимость было поддержано постмодернистами, которые отдают приоритет орнаменту или знаку,

а не назначению здания. «Знак важнее архитектуры. И это отражается на том, как владельцы магазинов распределяют свой бюджет. Знак перед магазином — это поп-аттракцион, а само здание позади него — строгая необходимость» [Вентури, Браун, Айзенур, 2015, с. 34]. «Необходимость» у постмодернистов оказывается не собственно необходимостью, а нежелательным придатком, от которого сложно избавиться. Коммуникативный избыток архитектуры окончательно отделяется от функционирования здания. Пренебрежение к функции у постмодернистов возникает благодаря пониманию, что действительное функционирование здания никогда не находит полного воплощения в конечной форме. Реально выполняемые функции или ритуалы утрачивают значимость для адресата, не владеющего адекватным кодом считывания. Изменяясь, функция «покидает» здание. Знак присутствует в выраженной форме всегда, но благодаря постоянному смещению относительно функции он будет обозначать каждый раз нечто иное, отличное от замысла.

Постмодернизм настаивал на освобождении знаков от смыслов благодаря производству двусмысленности, двойному кодированию языка. Знак постмодернистской архитектуры более ни к чему не отсылает, кроме самого себя. Архитектор должен находить формы, которые могли бы противостоять однозначной интерпретации, поддаваться разным кодам прочтения. Назначения или функции здания может не быть, что не отменяет бытие самой архитектуры. Архитектор Альдо Росси [2015, с. 17] говорит: «Итак, с помощью архитектурного инструментария мы способствуем некому событию независимо от того, произойдет ли оно на самом деле (...) Поэтому размеры стола или дома очень важны — не для выполнения определенной функции, как полагали функционалисты, а для того чтобы давать возможность реализации множества функций».

Теоретик Робин Эванс в своем эссе «Фигуры, двери и коридоры» [Evans, 1997] описывает генеалогию некоторых архитектурных элементов. Он обращается к коридору как коммуникативному средству, который своими свойствами передает социальное устройство выбранной эпохи. Автор говорит о смещении, произошедшем в XVII–XVIII веках в понимании функции коридора. От первоначально «рабочего пространства» коридор становится одним из главных элементов здания, осью, позвоночником, в котором осуществляется коммуникация. Таким образом, структура здания описывает смыслы эпохи. Коридор может свидетельствовать о чем угодно; он претерпевает смену референта благодаря переменам в функционировании общества. Таким образом, можно заключить, что структура здания соответствует определенному историческому функционированию, но само наличие коридора является неизменным и не демонстрирует ничего, кроме самого себя.

Постмодернисты возвращают архитектуре ее коммуникативные свойства в полной мере, но делают это особым образом. Знаки предстают у них как удвоенные — распознающие свою бессодержательность или отсутствие референта. Такую возможность полного освобождения знака описывает Жан Бодрийяр в теории о поэтической аннигиляции. Знак ускользает от идеологической власти означаемого; будучи удвоенным, знак намеренно отсылает только к самому себе. Бодрийяр описывает такой ход на примере граффити в Нью-Йорке в 1970-х, которые «оказываются неподвластными и самому принципу сигнификации и вторгаются в качестве пустых означающих в сферу полновесных знаков города, разлагая ее одним лишь своим присутствием» [Бодрийяр, 2000, с. 160].

Постмодернистская архитектура осуществляет коммуникацию, руководствуясь убеждением, что верифицировать код сообщения референтом невозможно. Известным примером такого мыслительного хода может быть проект «Площадь Италии» в Новом Орлеане архитектора Чарльза Мура, в котором автор намеренно использует исторические реминисценции, лишая используемые элементы их смыслового контекста (рис. 2). Но именно аннигиляция исторических, знакомых кодов сделала возможным создание еще не существующих образов. Мур совершает пересборку знаков, производя тем самым незнакомое с помощью знакомого.

Рис. 2. Чарльз Мур. Площадь Италии в Новом Орлеане.
Автор: Joel Mann. Лицензия: Attribution-NonCommercial-NoDerivs 2.0 Generic (CC BY-NC-ND 2.0). Источник: flickr
Charles Moore. Piazza d'Italia, New Orleans. Author: Joel Mann. License: Attribution-NonCommercial-NoDerivs 2.0 Generic (CC BY-NC-ND 2.0). Source: flickr

Архитектор постмодернизма сначала разрабатывает кодификацию форм и уже после указывает на смутно различаемую или отсутствующую кодификацию функций. Архитектура ничего не значит, но присваивает смыслы, изначально обладая лишь формой. Таким образом, любой формализованный принцип может быть описан как система знаков без референтов и подвергнут случайной пересборке.

Заимствованные коды

Тем не менее форма будет так или иначе сообщать нам о действии, которое она осуществляет. Очевидно, ложка наилучшим образом соответствует функции, для которой она сделана. Но форма будет отсылать к функции только внутри сложившейся системы кодов. Сама ложка не сообщает, как ей пользоваться, и может быть использована не по назначению; суть ложки при этом не изменится. Архитектура также не сообщает нам ничего без системы кодификаций, иначе неизвестная форма будет указывать на неизвестную функцию.

Архитектура подвержена сигнификации и интерпретации, поскольку воспринимающий сам находится «внутри» определенной системы кодов, однако эта система расположена вне архитектуры. Кодификация существует, даже если нет архитектуры. Конечно, архитектура эксплуатирует заимствованный код, так как она встроена в мир текста, но к нему не сводима. Эко [1998, с. 225] говорит, что «архитектура исходит из наличных архитектурных кодов, но в действительности опирается на другие коды, не являющиеся собственно архитектурными, и, отправляясь от которых, потребитель понимает смысл архитектурного сообщения».

Более того, у архитектуры нет и собственной идеологии, нет смыслов, которые должны быть обозначены. Архитектура придает форму разным элементам реальности, будь то устройство общества или функция, но сами эти элементы архитектуре не принадлежат и существуют помимо архитектуры. Собственные смыслы архитектуры остаются скрытыми. Александр Раппапорт [2017] также указывает на странную игру архитектуры с чужими смыслами: «Любопытно при этом то, что архитектура так ловко эксплуатирует идеологию в своих собственных интересах, что идеологии при этом простодушно считают себя главными смысловыми причинами бытия архитектуры (...) Парадоксально лишь то, что у архитектуры нет собственной политической и экономической власти, и ей приходится действовать, как правило, так сказать, за чужой счет». Архитектура есть раскрытие чужих смыслов, которые кодифицируются чужим кодом.

Архитектура всегда представлена в пределах системы кодификации, но сама она расположена вне подобных систем. Так происходит по той причине, что адресат сообщения архитектуры — человек, а сама она — явление, расположенное вне человека. Код — это привилегия человеческого восприятия, результат его интенции к пониманию реальности через сигнификацию. Архитектура остается архитектурой даже если она не используется. Человек нуждается в архитектуре, архитектура в человеке — нет. Более того, дом «ярче» являет свою суть, будучи заброшенным. Мартин Хайдеггер использует понятие «средства» (Zeug), с помощью которого мы взаимодействуем с миром. Когда мы пользуемся «средствами», они находятся в «подручности» (Zuhandenheit), и их нельзя увидеть. «Средство» приходит в свою «несокрытость», когда оно сломано и его использование невозможно, то есть когда оно не содержит антропологический код. Этот особый род присутствия необходим для понимания вещи в его «подлинном» бытии.

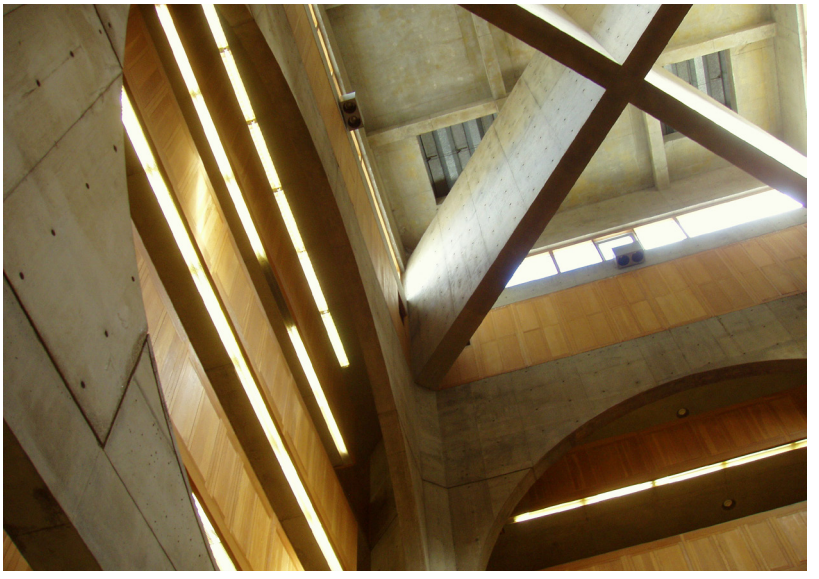

Рис. 3. Луис Кан. Библиотека в Эксетере. Лицензия: Public domain. Автор: Daderot. Источник: commons.wikimedia.org
Louis I. Kahn. Exeter Library. License: Public domain. Author: Daderot. Source: commons.wikimedia.org

Как для Хайдеггера, так и для спекулятивного реализма и акторно-сетевой теории, вещи оказываются более интересными «собеседниками», чем люди. Бруно Латур желает «освободить вещи, увидеть их вне сведения их к человеку» [2006, с. 40]. Грем Харман [2012] аналогично считает, что «нужно просто отойти от затянувшейся

привычки дискредитировать любые спекуляции об объектах, добровольно ожидая комендантского часа во все более узком гетто единственно человеческих реальностей: языка, текстов, политической власти».

Описываемое превосходство вещи становится невыносимым для общества, ориентированного на коммуникацию с человеческим. Тяжело помыслить, что существует пространство, которое предполагало бы отсутствие человека. Но в действительности архитектура всегда обладала нечеловеческими свойствами и человеку не принадлежала. Она создается по законам, для которых человек — лишь один из элементов сети. Архитектор Луис Кан заявил, описывая здание библиотеки в Эксетере (рис. 3): «Элемент архитектуры становится необходим, исходя из того, какие возможности он дает для света» [Kahn, 2017, p. 64].

Реальность

Архитектура создается по механизмам антропологического кода, но, воплотившись в реальности, отдаляется от человека. Конкретное здание актом своего существования добавляет в код новые смыслы, тем самым выходя за его границы. Архитектура производит неузнаваемое человеком, так как трансформирует прежний код, заставляя его смещать место означивания. Чтобы обнаружить в сообщении новое, необходимо воспользоваться хорошо знакомым — открытие незнакомого происходит в знакомом коде. Благодаря своему осуществлению в реальности, знакомое приобретает свойства и смыслы, которые в нем не присутствовали. Реальность обладает способностью производить новое через повторение старого.

Архитектура работает как коммуникация на уровне вынужденных обобщений и узнаваемых категорий. Оказавшись в независимой от человека реальности, она становится уникальным событием, лишенным свойств кода. Архитектура вбирает чужие коды, но, повторяя их в реальности, «портит» их, лишая смыслов, которыми их может наделить зритель. Сигнификация накладывается на осуществленное здание, но изначально в нем не присутствует. Даже когда архитектор вносит смысловую (концептуальную) составляющую в проект, как только здание оказывается построенным, оно эти смыслы теряет, сохраняя их лишь во взгляде наблюдателя. Архитектор Питер Цумтор пишет в своих воспоминаниях о посещении строительной площадки терм в Вальсе (рис. 4): «На мгновение я почувствовал, что наш проект ускользает от нас и становится независимым, потому что он перерос в вечность материала, который подчиняется своим собственным законам» [Zumthor, 1999, p. 54].

Архитектура, предполагающая исчерпанность в своей форме, стремится редуцироваться к нашему представлению о здании, к его концепту. Архитектурный теоретик Дэвид Летербарроу предлагает считать, что здание состоит из действия, из вступления в реальность. Иными словами, архитектура перформативна, она своей реальностью осуществляет действие. Летербарроу последовательно стремится избавиться от антропологического кода. Он утверждает, что отношения возникают не между зрителем и архитектурой, но между природными силами. Перформативность архитектуры действует таким образом, что посредством реализации трансформирует реальность, сопротивляется ее воздействию. «Отношения сила — противосила есть результат изменения физического тела здания, который демонстрирует его способность отвечать на окружающие условия. Пятна на здании свидетельствуют о его способности к сопротивлению. Трещины в стене показывают ограниченность успеха в этом деле» [Leatherbarrow, 2005, p. 14].

Рис. 4. Питер Цумтор. Термы в Вальсе. Лицензия: Attribution-ShareAlike 2.0 Generic (CC BY-SA 2.0). Автор: krss. Источник: flickr
Peter Zumthor. The Therme Vals. License: Attribution-ShareAlike 2.0 Generic (CC BY-SA 2.0). Author: krss. Source: flickr

Заключение

Утверждение семиотической природы архитектуры не позволяет сказать ничего об архитектуре и тем более создать убедительную теорию, которая была бы способна дать ее полное описание. Архи-

тектуру невозможно свести к множеству кодов, «она все же что-то большее, чем форма массовой коммуникации» [Эко, 1998, с. 222]. Сама сетка архитектурных знаков и элементов оказывается привнесенной извне, она имеет собственные свойства, которые не являются свойствами архитектуры. Если по отношению к архитектуре мы утверждаем, что ее сигнификация зависит от чего-то внеположенного, то мы снова вводим в оборот референт, который способен верифицировать коммуникацию. Но сам этот референт расположен вне человеческого, и поэтому избегает означивания. Любая интерпретация архитектуры, как «болтовня» Хайдеггера, еще более скрывает от нас ее подлинное бытие. Архитектура ускользает от знаковой репрезентации, артикулируя нечеловеческое измерение реальности.

Библиография

Бодрийяр Ж. (2000) *Символический обмен и смерть*, М.: Добросвет.

Вентури Р., Браун Д.С., Айзенур С. (2015) *Уроки Лас-Вегаса: забытый символизм архитектурных форм*, М.: Strelka press.

Дженкс Ч. (1985) *Язык архитектуры постмодернизма*, М.: Стройиздат.

Латур Б. (2006) *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге

Лоос А. (1972) Орнамент и преступление. И.Я. Цагарелли (ред.). *Мастера архитектуры об архитектуре*, М.: Искусство: 143-158.

Раппапорт А.Г. (2017) *Архитектура и идеология. Башня и лабиринт*. (http://papardes.blogspot.ru/2017/01/blog-post_33.html).

Росси А. (2015) *Научная автобиография*, М.: Strelka Press.

Харман Г. (2012) О замещающей причинности. *Новое литературное обозрение*, (114): 75-90.

Эко У. (1998) *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*, СПб.: ТОО ТК «Петрополис».

Evans R. (ed.) (1997) *Translations from Drawings to Buildings and Other Essays. Figures, Doors and Passages*, London: Architectural Association Publ.: 55-91.

Latour A. (ed.) (1991) *Louis I. Kahn: Writings, lectures, interviews,* New York: Rizzoli International Publications.

Leatherbarrow D. (2009) *Architecture Oriented Otherwise,* New York: Princeton Architectural Press.

Leatherbarrow D. (2005) Architecture's unscripted performance. B. Kolarevic, A. Malkawi (eds). *Performative architecture: Beyond instrumentality*, New York: Spon Press: 5-21

Zumthor P. (1999) *Thinking Architecture,* Basel: Birkhauser.

References

Evans R. (ed.) (1997) *Translations from Drawings to Buildings and Other Essays. Figures, Doors and Passages*, London: Architectural Association Publ.: 55-91.

Latour A. (ed.) (1991) *Louis I. Kahn: Writings, lectures, interviews*, New York: Rizzoli International Publications.

Leatherbarrow D. (2009) *Architecture Oriented Otherwise*, New York: Princeton Architectural Press.

Leatherbarrow D. (2005) Architecture's unscripted performance. B. Kolarevic, A. Malkawi (eds) *Performative architecture: Beyond instrumentality*, New York: Spon Press: 5-21

Zumthor P. (1999) *Thinking Architecture*, Basel: Birkhauser.

Baudrillard J. (2000) *Simvolicheskii obmen i smert'. [Symbolic Exchange and Death]*, M.: Dobrosvet.

Venturi R., Brown D.S., Izenour S. (2015) *Uroki Las-Vegasa: zabytyi simvolizm arkhitekturnykh form. [Learning from Las Vegas]*, M.: Strelka press.

Jencks Ch.A. (1985) *Iazyk arkhitektury postmodernizma. [The Language of Postmodern Architecture]*, M.: Stroiizdat.

Latour B. (2006) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii. [We have never been modern]*, SPb.: European University at St. Petersburg

Loos A. (1972) Ornament i prestuplenie. [Ornament and Crime]. I.Ia. Tsagarelli (ed.) *Mastera arkhitektury ob arkhitekture*, M.: Iskusstvo: 143-158.

Rappaport A.G. (2017) *Arkhitektura i ideologiia. Bashnia i labirint. [Architecture and ideology]* (http://papardes.blogspot.ru/2017/01/blog-post_33.html).

Rossi A. (2015) *Nauchnaia avtobiografiia. [A scientific autobiography]*, M.: Strelka Press.

Harman G. (2012) O zameshchaiushchei prichinnosti. [About the replacement of causality], *Novoe literaturnoe obozrenie*, (114): 75-90.

Eco U. (1998) *Otsutstvuiushchaia struktura. [The Absent Structure]*, SPb.: TOO TK «Petropolis».

Рекомендация для цитирования/For citations:

Невлютов М.Р. (2017) Несемиотическая природа архитектуры. *Социология власти*, 29 (1): 88-100.

Nevlyutov M.R. (2017) Unsemiotic Essence of Architecture. *Sociology of power*, 29 (1): 88-100.